

ко благодаря иконописному мастерству. Такихъ побочныхъ производствъ считается три:

- 1) Изготовленіе досокъ для иконъ;
- 2) Изготовленіе кіотовъ, въ которые вставляются образа;
- 3) Окончателъная обдѣлка, или, какъ говорятъ крестьяне, „обряжаніе“ иконъ.

Сюда-же, собственно говоря, относится отвозка иконъ на дальніе рынки, которою занимаются жители окрестныхъ селеній Лисичанской, Грайворонской, Высоковской и др. прилегающихъ къ Борисовкѣ волостей.

Возникновеніе иконописнаго промысла въ сл. Борисовкѣ, по видимому, тѣсно связано съ началомъ Борисовскаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1714 году, извѣстнымъ сподвижникомъ Петра I, гр. Бор. Петр. Шереметевымъ, въ память Полтавской побѣды надъ шведами *). Когда построены были здѣсь двѣ церкви—одна во имя Тихвинской Божіей Матери (1714 г.) и другая во имя Преображенія Господня (1719 г.),—то понадобилось для стѣннаго и иконнаго писанія пригласить сюда мастеровъ-живописцевъ, которые и были посланы владѣльцемъ изъ Петербурга. Первый живописецъ, присланный сюда, былъ нѣкто Игнатьевъ, котораго мѣстное народное преданіе называетъ также Омеляненко. Кто онъ былъ такой и откуда—преданіе этого не разъясняетъ; но судя по первой его фамиліи, можно догадываться, что онъ былъ изъ великороссіи; вторая же его фамилія есть, вѣроятно, простая пердѣлка на малорусскій ладъ его имени, или отчества. Игнатьевъ присланъ былъ сюда съ двойною цѣлью: для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ и для обученія мѣстныхъ Борисовскихъ жителей своему мастерству. Преданіе не говоритъ далѣе, какъ шло и развивалось здѣсь иконописное дѣло на первыхъ порахъ своего существованія, но нѣкоторыя обстоя-

*) Историч. описаніе Борисовской Тихвинской дѣвичьей пустыни, арх. Леонид. М. 1872 г.; см. также ст. „Домикъ Петра Великаго“, въ „Историч. Вѣстн.“, 1885 г., № 6.

тельства даютъ поводъ думать, что, вслѣдствіе своей выгоды, оно скоро привилось къ мѣстному населенію и въ первое же время пустило здѣсь прочныя корни. На это указываетъ, напр., то обстоятельство, что извѣстный въ исторіи церковной живописи художникъ Боровиковскій, покончившій свою художественную карьеру въ ссылкѣ въ одномъ изъ глухихъ монастырей за участіе въ сектѣ Татариновой, — первоначально (до 1780 г.) учился живописи въ сл. Борисовкѣ *). Въ разсказѣ Квитки-Основьяненко, — „Козьма Трохимовичъ“, написанномъ въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, живописецъ Кузьма, такъ мастерски изобразившій „Попову кобылу“ и „Солдатскій портретъ“, названъ жителемъ сл. Борисовки, въ которой „еще наилучшы богомазы, иконописцы и усякы маляри“...

Такимъ образомъ ясно, что уже къ концу прошлаго столѣтія и началу текущаго иконописный промыселъ былъ достаточно развитъ въ Борисовкѣ и организованъ на прочныхъ началахъ. Развитію промысла не мало способствовало еще и то обстоятельство, что сл. Борисовка населилась призванными разноплеменными семьями, „по наклику“, на льготныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего надъ нею никогда не тяготѣло крѣпостное право въ тѣхъ тяжелыхъ, порою даже невыносимыхъ формахъ, въ какихъ оно отливало въ другихъ мѣстахъ; ея насельники, по крайней мѣрѣ, пользовались полной свободой при выборѣ себѣ той или другой дѣятельности. Обязанные графской фамиліи однимъ только денежнымъ оброкомъ, сравнительно очень низкимъ, они уже не знали никакихъ другихъ повинностей по отношенію къ барину, и внося исправно ежегодные подати, могли по цѣлымъ годамъ не видѣть „коменданта“ (такъ назывались прежде управляющіе графскимъ имѣніемъ въ Борисовкѣ) и чувствовать себя совершенно независимыми. Какъ это ни странно, но Борисовцы совершенно правы, говоря, что „въ крѣпяхъ имъ жило лучше, чѣмъ теперь“. Не стѣсненные ничѣмъ въ своей дѣятельности, они тѣмъ не менѣе всегда, въ годину несчастія, могли найти опору въ той же сильной графской рукѣ, которой

*) Кіевская Старина, 1884 г.